

В АДУ ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ

Многим дончанам знакомо имя Игоря Владимировича Дикова, заслуженного артиста Украины, чей неповторимый голос до недавнего времени звучал на сценах оперных театров, филармонии, в Доме работников культуры г. Донецка, на площадках в госпиталях и территориальных центрах социального обслуживания пенсионеров... Но мало кто знает, что ему во времена Второй мировой войны досталась лихая доля: он был малолетним узником концлагеря, познал все ужасы «дороги смерти».

И.В. Диков часто вспоминает свою лагерную жизнь, удивляется тому, что все-таки не сломался, выжил:

– Это было в конце лета 1943 года. Немцы уже отступали из Донбасса... И им приглянулся наш дом по ул. Советской, № 5, в г. Запорожье. Одноэтажный, но крепкий. Жили в нем тогда несколько семей. В нашей квартире прятались давние друзья – отец, мать, сын. Мужчины никуда не выходили, а я с этой женщиной часто отправлялся за покупками. Потом они с мамой готовили нам пищу. Было тревожно, но терпимо. И вдруг вечером – неожиданная облава, и немцы окружили наш двор, вбежали стремительно в комнату, обнаружили всех мужчин. Сразу же: «Шнель, шнель» – и под автоматы. Какой-то переводчик объяснил, что им нужен этот дом. «А вы берите еду и необходимые вещи и выходите. Получите другое жилье». Папа схватил свой портфель, мы – что попало в сумки. Нас вывели на улицу, а там уже столько людей! Повели нас к центру города. Вначале было всего человек 40. Но когда дошли до железнодорожного вокзала, то уже собралась большая толпа. И всех стали загонять в теплушки. С угрозами, что иначе перестреляют. Закрыли, предупредив о повинении, а теплушки откроют только тогда, когда будет возможность. И пять вагонов с узниками присоединили к поезду и повезли. Так мы были угнаны в Германию.

Состав тронулся. В вагоне находилось более двадцати человек и ящики, балки. Спали мы на грязных тряпках, соломе. И постоянно хотелось есть. Только через много дней нас высадили в неизвестном лесу. «Выходите, все свое забирайте с собой». Колонной прошли пару километров и увидели бараки, высокий забор. Завели всех в первый же по ходу барак и... «Раздевайтесь догола и взрослые, и дети. Свои постельные вещи бросайте в машины (их было 3), а сами идите обмывайтесь под общим душем». Перед душем всех построили в очередь для прохождения «медицинской процедуры» щеткой мазали по грешному месту каким-то техническим маслом или керосином. Так было противно и неприятно. Потом еще долго ходили голыми, пока не разрешили каждому отыскать свои трусы, рубашки, кофты. Унизительнейшее состояние! Затем нас перевели в другой барак, где отпечатали пальцы на бумаге. Дали индивидуальный номер и с ним сфотографировали. Отныне я стал № 557. Это происходило в лагере в предместье Берлина. Потом нас забрали работать на

завод «Бюсенинг», а жить мы стали в самом городе в районе «Зоненвайге». Вместе с другими мальчиками я убирал металлические стружки в цехах и вывозил их. Очень было тяжело, трудно пришлось.

Мать через несколько дней из – за состояния здоровья (она была контужена в Запорожье при обстреле) перевели с завода ухаживать за маленькими детьми, родители которых работали. А отец через пару месяцев надорвался в цехе, где подавал для обработки тяжёлые доски и балки. И стал навсегда инвалидом. Но в лагере его всё равно заставляли выполнять всякую подсобную работу. После освобождения он стал поднимать не более 5 кг. А сумки и вещи носил я. И так было до глубокой старости.

Ещё темного расскажу о лагере. Мне здесь достались старые вещи: чьи-то штаны, пальто, рваные, ветхие. И всем, как рабам, выдали колодки. Деревянный низ, а сверху, где пальцы, кусок материи. По лагерю еще можно было ходить. Но к заводу дойти в них было просто невозможно: у меня спадали то правая, то левая колодка. И такой от них грохот стоял, когда под охраной мы шли па работу. Колодки спадают, сзади идущие толкают, окрики конвоиров. Улицы узкие, дома вокруг разрушенные. И когда навстречу ехала машина, то проблемой было разойтись.

За все годы принудительного труда мы, естественно, не получили ни одного пфеннига. Отцу выдавалась на месяц пачка сигарет. И вот я бегал что-то на нее менять. Выдавали утром кусочек хлеба – грамм пятьдесят, кусочек маргарина с ложечкой повидла, кружку кофе с сахарином. Сахара и мяса я вообще не видел. Днем обед на заводе: тарелка супа-бурды и кусочек хлеба. И все. А вечером в лагере то, что было утром. Иногда, когда нас отправляли на раскопки домов и подвалов, кое-что попадалось из съестного. И мы его прятали по карманам...

Однажды меня старая и больная немка несколько дней держала у себя дома. Она хотела, чтобы я ей помогал и был вместо сына, погибшего под Сталинградом. Но я устроил ей такую истерику, что она вызвала охрану из лагеря, а напоследок меня сильно избила...

Пришлось мне пережить и ужасы бомбежек. Американцы часто бросали бомбы замедленного действия. К ним боялись подходить. И когда бомба падала, люди разбегались, бросая все абсолютно. Как-то сильно разбомбили завод. Во время прямой бомбежки я стремглав рванул в лагерь. Пробежал одну улицу, вторую. И вдруг вижу впереди перед собой громадную фугасную бомбу, вернее часть ее туловища и хвост. Справа и слева – огонь! Горят дома, падают доски, кирпичи – туда бежать опасно. Решил пробраться по центру – перелезть через эту фугаску. И едва не разбил бутылку с ситро, которую мне подарил мастер-немец, а я нес ее своей больной маме. Тут ад, но мои мысли о бутылке. Только перелез, отбежал квартал, а сзади страшный взрыв. Меня бросило волной на землю. И только тогда догадался, какой коварной опасности избежал. Прибежал в лагерь, а мама плачет (ей рассказали, что завод разбомбило). И она только вскрикнула «Боже! Спасибо тебе!». Я же ей бутылку отдаю... Шок!

Н цехе у пас работал один жалостливый мастер – немец. Перед приходом наших войск он стал выяснять, как будет по-русски: «Гитлер капут» и «Хенде хох». Он же предупредил, что надо убегать, иначе фашисты всех перестреляют.

Нам удалось выкрасть свои документы и спрятаться. А вечером у метро уже ждал этот немец, довел до леса, где жил, определил, накормил. И буквально через день начался обстрел «катюш». Как мы благодарили бога, что вовремя ушли из города! Отсиживаться пришлось в траншее. И вдруг крик: «Русские!» Я выглянул: стоит солдат с автоматом, высоко держит гранату. «Кто здесь! Выходи!» Я выскочил и закричал «Здесь русские!» Тогда он бросил гранату в сторону и она взорвалась. Мы с ним горячо обнялись. Это была самая счастливая минута в моей жизни. Мы так радовались. Вскоре за нами вышли и цивильные немцы. Солдаты их не трогали. И немцы напоили бойцов водой, покормили. Затем они ушли добивать врага.

Следом к нам подошел работник Особого отдела, выяснявший: «Как попали сюда? Кто вы такие? Из какого лагеря?» Он оставил нас под наблюдением одной из воинских частей. Через несколько дней мы уже попали в фильтрационный лагерь. Как же долго здесь тянулось время! Но вот прошли проверки, получено разрешение выехать на Родину. Здесь нас ждала новая жизнь!